

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ ГОРОДА ВОРОНЕЖА В 1943–1945 ГОДАХ

В. А. Перцев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 27 мая 2015 г.

Аннотация: в статье проанализированы последствия оккупации Воронежа немецко-фашистскими войсками. С учетом выявленного архивного материала представлены основные направления восстановления социальной сферы Воронежа в 1943–1945 гг. Показаны трудности и проблемы адаптации населения к мирной жизни после освобождения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, оккупация, Воронеж, восстановление социальной сферы, жилищное строительство, реэвакуация, городская инфраструктура.

Abstract: the article analyzes the consequences of the occupation of Voronezh by Nazi troops. Based on the identified archival material presents the main directions of the social recovery of the city of Voronezh in 1943–1945 the difficulties and problems of adaptation of the population to civilian life after his release.

Key words: Great Patriotic war, occupation, Voronezh, restoration of social sphere, housing, re-evacuation, city's infrastructure.

Город Воронеж занимает одно из важнейших мест в истории Великой Отечественной войны. Через него, как и через сердца всех воронежцев, прошла линия обороны. Превратившиеся в оборонительные рубежи городские кварталы были практически полностью уничтожены. Поэтому восстановление социальной сферы города, его зданий, парков и скверов, транспорта и коммуникаций стало одной из ключевых задач после освобождения Воронежа. Важнейшей составляющей этого процесса являлось возрождение жилищного сектора, без которого не могли жить и работать не только возвращавшиеся из эвакуации воронежцы, но и будущие горожане.

Обращаясь к данной теме, необходимо сказать, что в отечественной историографии советского периода повседневная жизнь советского человека в годы Великой Отечественной войны превратилась не то чтобы в закрытую, а, скорее, в малозначительную научную проблему. Лидирующее место занимали темы, связанные с ходом военных действий, партизанским движением, работой советских тыловых организаций по обеспечению всем необходимым действующей армии. Что же касается изучения процесса восстановления инфраструктуры освобожденных от оккупации советских городов, то и в данном случае больше внимания уделялось вопросам восстановления фабрик и заводов, административных зданий, школ, больниц и уже в последнюю очередь восстановлению и строительству жилья. Казалось, что советский народ, охваченный «великой идеей» скорейшего построения нового социалистического

типа государства, условия жизни абсолютно не интересовали или же занимали, по крайней мере, одно из завершающих мест в перечне желательных и достигаемых жизненных ориентиров.

Историография решения жилищной проблемы в СССР не отличалась многообразием и динамичностью. Что касается изучения таких масштабных субъектов, как Советский Союз или РСФСР в целом, то до конца 1980-х гг. анализ жилищного сектора зачастую осуществлялся во взаимосвязи с общими проблемами социального и культурного развития населения. При этом, как правило, в печать не попадали сведения негативного плана, а все то, что носило положительный характер, выдавалось как подтверждение жизнеспособности социалистического образа жизни, как объективный процесс совершенствования общественных взаимоотношений по мере приближения к конечному, коммунистическому рубежу развития.

В конце XX – начале XXI в. ситуация кардинально изменилась. Появились публикации, отражающие диаметрально противоположную точку зрения на обозначенный вопрос. Критическому анализу оказались подвергнуты все достижения в жилищном строительстве и в целом тезис о возможности успешного решения жилищной проблемы в условиях плановой экономики.

Намного больше вопросов, чем ответов, можно также встретить в исследованиях отечественных авторов, посвященных изучению отдельных регионов страны, в том числе и истории Воронежской области. Первые впечатления о состоянии жилищно-коммунального хозяйства Воронежа после его освобождения

ния от немецко-фашистских захватчиков были изложены в немногочисленных работах, появившихся сразу же после окончания Великой Отечественной войны. Одними из первых были опубликованы исследования «Из пепла пожарищ», вышедшее в свет в 1946 г. [1], и «Здравоохранение Воронежской области за 40 лет», изданное в 1958 г. [2]. Это были сборники статей, отражавшие отдельные эпизоды бедственного состояния социальной сферы после освобождения Воронежа от немецко-фашистских войск, а также показывавшие первые шаги по возрождению пострадавшего жилищного и коммунально-бытового хозяйства.

В последующие годы отдельные стороны проблемы затрагивались в публикациях более общего плана, посвященных изучению истории как Воронежа, так и всей Воронежской области, на основе анализа значительных временных интервалов или более весомых социально-экономических и политических проблем [3–6]. Вплоть до начала XX в. социальное развитие воронежского края периода Великой Отечественной войны не стало предметом научного интереса историков-краеведов. Отдельные стороны проблемы были представлены в публикациях авторов, работы которых посвящались исследованию в региональном разрезе всего периода 1941–1945 гг. Среди них можно назвать исследователей С. И. Филоненко, В. А. Шамрая, Г. А. Быковскую, С. В. Маркову и др. [7–10].

Анализируя состояние Воронежа непосредственно накануне Великой Отечественной войны, необходимо отметить, что в конце 1920-х – начале 1930-х гг. он оставался провинциальным российским городом с преобладанием пищевой и перерабатывавшей сельскохозяйственную продукцию промышленности, с ограниченным по численности населением, пополнявшимся преимущественно за счет переселения крестьян из близлежащих сел и деревень. Промышленное производство носило скорее вспомогательный характер и не рассматривалось как перспективная самостоятельная отрасль народного хозяйства региона. В 1926–1927 гг. в городе располагались всего лишь 40 ценовых предприятий с 67 двигателями. На 33 из них в 1926 г. трудились 4479 человек, из которых 3563 человека составляли рабочие [11].

В 1930-е гг. Воронеж постепенно превратился в крупный индустриальный центр не только Воронежской области, но и всего Центрального Черноземья. Вместо небольшого, эвакуированного в 1915 г. из Риги завода Рихард-Поле возник крупный машиностроительный завод имени Коминтерна с мартеновским цехом, большими корпусами сталелитейного, сборочного и деревообделочного цехов. Небольшое чугунолитейное предприятие В. Г. Столля, возникшее в 1869 г., было преобразовано в завод имени Ленина, производивший машины для пищевой промышленности. Незавершенное строительство кабельного

завода Петичева было реорганизовано в дизельный завод имени Сталина. Были также построены и введены в эксплуатацию новые крупные предприятия: заводы «Электросигнал», автогенный, комбикормовый. Возникло три крупных хлебозавода, беконная фабрика. Осуществлялась реконструкция и расширение производственных площадей на заводах имени М. И. Калинина, имени Ф. Э. Дзержинского, имени Э. Тельмана, автотрактородеталь, жиркомбинате, маслозаводе и на других предприятиях. Разраставшаяся промышленно-производственная сфера объективно требовала соответствующего роста численного состава населения города. От года к году численность воронежцев неуклонно возрастала. Если в 1920 г. в Воронеже проживали 90,4 тыс. человек, то в 1923 г. – 94,9 тыс. человек, в 1926 г. – 120,0 тыс. человек, в 1939 г. – 326,9 тыс. человек и в 1940 г. уже около 370,0 тыс. человек [12].

Значительные коррективы в жизнь Воронежа внесла Великая Отечественная война. В ходе ожесточенных боев 7 июля 1942 г. немецкие войска захватили правобережную часть Воронежа. Река Воронеж превратилась в разделительный рубеж, который так и не удалось преодолеть противнику. Сталинский район и станция Отрожка прочно удерживались частями Красной Армии. Срыв планов немецкого командования привел к тому, что все действия оккупантов оказались направлены на уничтожение города. Не успевшие эвакуироваться городские жители были изгнаны из Воронежа за р. Дон, а территория города стала подвергаться уничтожению: выжигались жилые кварталы, разрушались исторические памятники, музеи, учебные заведения, фабрики и заводы. Среди зданий, избежавших катастрофического разрушительного воздействия оккупантов, не оказалось ни одного учебного или культурно-просветительного, лечебного или торгового, административного или производственного объекта. Были разрушены Митрофановский монастырь и его колокольня (памятник творчества Кваренги); здание филармонии, бывшее здание дворянского собрания; разрушена колоннада старинного дома Тулинова. Перед отступлением из города немецкие части разрушили заводские корпуса, взорвали многие общественные здания, в том числе здание государственного университета, вокзала, обкома ВКП(б) и облисполкома, дворца пионеров, областной библиотеки. В Германию были вывезены станки и оборудование, книги и картины, даже памятники Петру I и В. И. Ленину. Значительный ущерб был причинен всему жилищно-коммунальному хозяйству города. Разрушения составляли более 90 %. Ряды выжженных коробок с пустыми закопченными глазницами окон, бесформенные нагромождения камня и скрюченных железных балок, пустыри, засыпанные щебнем и битым стеклом – вот, что оставили немецко-фашистские войска после своего пре-

бывания в Воронеже. Позднее Государственная Чрезвычайная Комиссия округлит сумму ущерба, причиненного Воронежу немецкой оккупацией. Она составит 3374 млн руб. [13].

Насилию подвергалось мирное население города, не успевшее уйти за р. Воронеж вместе с войсками Красной Армии. Значительную часть воронежцев немецкие карательные подразделения стали угонять за р. Дон. По пути следования погибло много стариков, больных, женщин с детьми. В октябре 1943 г. на окраине города, в Песчаном Логу, были обнаружены трупы расстрелянных немцами 452 граждан города. При вскрытии захоронений в селе Девица и в совхозе имени И. В. Сталина Семилукского района также было обнаружено большое количество трупов воронежцев. На станции Касторная спешно отступавшие немецкие части оставили архив, в котором находились многочисленные фотографии расправ над жителями Воронежа, сфотографированы повешенные жертвы [14].

Сразу же после освобождения Воронежа сюда стали возвращаться жители, эвакуированные в тыловые города. Все силы были направлены на скорейшее возрождение жизнеспособности городских районов. В данном направлении были достигнуты значительные положительные результаты. За короткий отрезок времени в Воронеже была восстановлена жилая сфера, возобновилось транспортное сообщение. Обращалось внимание не только на строительство жилья, но и на возведение объектов культурно-образовательного, спортивного назначения. В то же время достижение таких результатов было связано с постоянным преодолением огромных трудностей. Поэтому даже к началу 1950-х гг. Воронеж еще не смог полностью избавиться от многочисленных восстановительных проблем.

Кроме рассмотренных выше, можно также назвать следующие трудности возрождавшегося Воронежа в первые месяцы и годы после изгнания немецко-фашистских захватчиков.

Во-первых, массовое возвращение эвакуированных жителей в разрушенный город и в то же время нехватка жилой площади сопровождалась тем, что заселялись без исключения все сохранившиеся сооружения. Местные органы власти выдавали ордера на вселение в пустующие квартиры тем, кто реэвакуировался раньше других и приступил к восстановительным работам. Таким образом, заселялось как ведомственное жилье, так и индивидуальные жилые постройки. В 1945–1946 гг. в город начали возвращаться бывшие владельцы квартир и частных домов, и в связи с этим были зарегистрированы многочисленные обращения в судебные органы с исками о возвращении принадлежащего им до войны жилья. В качестве примера можно привести достаточно объемную переписку, связанную с требованием жи-

тельницы Воронежа П. Н. Большаковой о выселении из принадлежащего ей частного дома С. И. Драницыной, и решением Кагановического народного суда г. Воронежа от 18 марта 1946 г. об удовлетворении иска, так как «спорная площадь была занята в момент эвакуации истицы и между сторонами никакого договора жилищного найма нет» [15].

Во-вторых, не оправдались надежды воронежцев на то, что в связи с созданием в ноябре 1943 г. лагеря военнопленных значительно ускорятся восстановительные работы. Из 1,5 тыс. военнопленных ежедневно на работу выходили в среднем 500–600 человек, остальные же не покидали пределов лагеря, ссылаясь на травмы и плохое самочувствие [16]. В последующие годы ситуация несколько изменилась, и к началу декабря 1945 г. военнопленные активно использовались в качестве рабочей силы во многих строительных организациях г. Воронежа. Так, в тресте «Воронежгорстрой» в это время работали 944 воронежца и 1079 военнопленных, в УВСП № 15 – 308 и 500, соответственно, в СМУ-4 – 300 и 1000, в СМТ-15 – 1187 и 486, в СУ-8 – 1900 и 560, в УВСП-ЮВЖД – 522 и 200 [17].

В-третьих, большое количество высококвалифицированных рабочих и инженерно-технических работников, эвакуированных с промышленными предприятиями в восточные районы страны, не смогли реэвакуироваться в родной город после его освобождения, так как их знания и организаторские способности использовались для дальнейшей организации производства по месту эвакуации. Администрация городов и поселков, где размещались эвакуированные воронежские заводы, часто обращалась в воронежский горсовет с просьбами об отказе направлять персональные вызовы подобным специалистам. В то же время квалифицированные рабочие кадры очень требовались на восстановительных работах.

В-четвертых, руководители многих возвращавшихся в Воронеж предприятий, организаций и учреждений не представляли реальных последствий оккупации. Они даже не могли подумать, что в городе совсем не сохранилось обустроенного жилья, поэтому часто требовали от органов местной власти предоставление им таких жилых и производственных площадей, о которых вернувшиеся в родной город весной 1943 г. воронежцы не могли даже мечтать. Например, 12 октября 1943 г. в отдел по делам искусства Воронежского областного Совета депутатов трудящихся из г. Копейска Челябинской области поступила докладная записка от директора Воронежского областного театра драмы С. О. Вольфа о размещении в Воронеже 105 основных работников театра и 63 человек иждивенцев, возвращавшихся домой из эвакуации. Для их расселения руководство театра требовало выделить более 30 одно- и двухкомнатных квартир [18]. Ответом П. А. Мирошниченко была резолюция, сообщавшая о том, что «таким количес-

твом свободного жилья Горсовет в настоящее время не располагает» [19]. Тем не менее вопрос о расселении возвращавшихся в город артистов в конце концов был решен положительно.

В-пятых, военное время, оккупация, последующие восстановительные работы, к сожалению, не изжили таких явлений, как уголовная преступность и хулиганство. И в жилых постройках, и на транспорте, рынках совершались кражи, разбои, хулиганские действия. С целью борьбы с уголовной преступностью, своевременного выявления хулиганских групп и улучшения учета населения органами правопорядка осуществлялась проверка домовладений, учреждений и других социально значимых объектов. В 1943 г. было проверено 34 624 объекта, в 1944 г. – 48 907, в 1945 г. – 61 855 [20]. Особая роль отводилась проверке паспортного режима, в особенности у жителей общежитий, подвалов, частных домовладений. Для осуществления таких мероприятий широко привлекалась общественность, в связи с тем что «квалификационный уровень рядового милицейского состава был слишком слаб». Органы милиции обращали также особое внимание на наличие у населения боевого оружия, которое в большом количестве скопилось в период военных действий. Исполком Воронежского областного Совета 11 ноября 1943 г. принял решение № 7199 «О порядке хранения и ношения оружия населением на территории Воронежской области». В этом документе содержались указания, обязывавшие население в месячный срок явиться в органы милиции для перерегистрации имеющегося боевого оружия. В противном случае «не явившиеся на регистрацию подлежат ответственности в уголовном порядке по ст. 182 УК РСФСР» [21].

В-шестых, после освобождения от немецко-фашистских захватчиков в Воронеже практически отсутствовал контроль за прибытием и размещением эвакуированных. Зачастую жителями использовался такой способ, как самозаселение в пустующее жилье. Кроме этого, потребовалось также длительное время, чтобы наладить учет пригодной для проживания жилой площади, назначить управляющих домами и учесть всех расселившихся горожан. Поэтому органы местной власти первоначально не имели точных данных о численности населения. Несколько проще осуществлялся контроль за размещением отдельных подразделений и организаций, прибывавших на восстановительные работы. 4 октября 1943 г. в Воронежский горисполком поступил запрос от руководства особой строительной-монтажной части № 102 о выдаче ордеров на занятие зданий бывшей школы № 4 Коминтерновского района, дома № 7а по улице Кирова и строительного института по улице 20-летия Октября для размещения прибывавших в город строительных подразделений [22].

В-седьмых, решения советского правительства, связанные с оказанием поддержки индивидуальным застройщикам, и предусматривающиеся для них льготное кредитование, первоочередное выделение строительных материалов и транспорта не всегда использовались действительно нуждающимися горожанами. В марте 1947 г. в Воронеж поступил приказ Министра строительства военных и военно-морских предприятий С. Гинзбурга о наказании главного инженера Военстроя Абрамова и начальника Лесного отдела Хомякова, которые возводили себе жилой дом в Воронеже на улице Никитинской площадью 250 кв. м и на строительство которого они получали в Военстрое все необходимые материалы, транспорт и рабочую силу. В соответствии с выявленными злоупотреблениями было приказано: «Все дома, выстроенные с нарушением установленного порядка использования строительных материалов, транспорта и рабочей силы, с превышением объема, предусмотренного типовым проектом для индивидуального жилищного строительства, в установленном законом порядке изъять и принять на баланс Военстроя, заселив их лучшими инженерно-техническими работниками и рабочими-стахановцами» [23].

Подводя итог, нужно сказать о том, что после освобождения Воронеж в своем развитии пережил несколько сложных и противоречивых периодов. И на каждом из них социальные вопросы занимали одно из ключевых мест. В число первоочередных встали проблемы, связанные с восстановлением жилья, учреждений здравоохранения и народного образования, кинотеатров, магазинов и системы бытового обслуживания. И если создать необходимые жилищные условия оказалось реальным на протяжении достаточно короткого времени, то на преодоление катастрофических последствий в других сферах социального сектора потребовались еще многие и многие годы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Из пепла пожарищ : сборник очерков о восстановлении Воронежа. – Воронеж, 1946.
2. Здравоохранение Воронежской области за 40 лет : сб. статей. – Воронеж, 1958.
3. Загоровский В. П. Воронеж : историческая хроника / В. П. Загоровский. – Воронеж, 1989.
4. Край наш Воронежский : к 50-летию образования области. – Воронеж, 1985.
5. Очерки истории Воронежской области : эпоха социализма / под ред. Е. Г. Шуляковского. – Воронеж, 1967. – Т. 2.
6. Очерки истории Воронежской организации КПСС. – 2-е изд., перераб. и доп. – Воронеж, 1979.
7. Великая Отечественная война в истории Воронежского края : учеб. пособие / А. С. Паневин [и др.]. – Воронеж, 2005.

8. Филоненко С. И. Сражения на воронежской земле глазами русских и оккупантов / С. И. Филоненко. – Воронеж, 2013.
9. Шамрай В. А. Воронежская область в Великой Отечественной войне : исторический очерк / В. А. Шамрай. – Воронеж, 2014.
10. Маркова С. В. Боевые действия советских войск на территории Центрального Черноземья в июле 1942 года / С. В. Маркова // Разгром немецко-фашистских войск на завершающем этапе Великой Отечественной войны и вклад Воронежа и Воронежской области в общую победу : материалы обл. науч.-ист. конф., посв. 55-летию Победы. – Воронеж, 2000.
11. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). – Ф. Р-51. – Оп. 1. – Д. 705. – Л. 32.
12. ГАВО. – Ф. Р-51. – Оп. 1. – Д. 705. – Л. 32 (об), 34 (об).
13. ГАВО. – Ф. Р-51. – Оп. 1. – Д. 705. – Л. 31, 34, 34 (об), 39.
14. ГАВО. – Ф. Р-51. – Оп. 1. – Д. 705. – Л. 36.
15. ГАВО. – Ф. Р-51. – Оп. 1. – Д. 713. – Л. 39–40.
16. ГАВО. – Ф. Р-51. – Оп. 1. – Д. 629. – Л. 32–32 (об).
17. ГАВО. – Ф. Р-51. – Оп. 1. – Д. 629. – Л. 32 (об).
18. ГАВО. – Ф. Р-51. – Оп. 1. – Д. 559. – Л. 18–19.
19. ГАВО. – Ф. Р-51. – Оп. 1. – Д. 559. – Л. 19.
20. ГАВО. – Ф. Р-51. – Оп. 1. – Д. 705. – Л. 26–26 (об).
21. ГАВО. – Ф. Р-51. – Оп. 1. – Д. 559. – Л. 15.
22. ГАВО. – Ф. Р-51. – Оп. 1. – Д. 559. – Л. 17.
23. ГАВО. – Ф. Р-51. – Оп. 1. – Д. 1154. – Л. 42–43.

Воронежский государственный университет

Перцев В. А., кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории, историографии и документоведения

E-mail: sov@hist.vsu.ru

Тел.: 8 (473) 239-29-35

Voronezh State University

Pertsev V. A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Modern History of Russia and Historical Records Department

E-mail: sov@hist.vsu.ru

Tel.: 8 (473) 239-29-35